

ДЕВЮ

персона

знаменитый тенор
Владимир Галузин — Газете«Если я год назад был влюблен в Верди, это не значит, что я и сегодня
пребываю в том же состоянии»

Владимир Галузин — Газете

Газета - 2003 - 3 фев - с. 15

“желание видеть солнце
сильнее разумных доводов”

Владимир Галузин приезжает в родной Мариинский театр не более двух раз в сезон. Сейчас всемирно известный тенор спел свою коронную партию Принца Калафа в «Турандот», а через день дал сольный концерт из произведений Верди, Пуччини и Чайковского. Дирижировал Валерий Гергиев. Накануне концерта с Владимиром Галузиным побеседовала Гюльра Садых-заде.

Насколько мне известно, в последние годы ваша жизнь протекает в сплошных разъездах. Откуда вы прилетели и куда полетите потом?

Прилетел я из Брюсселя, а полечу в Берлин, петь «Тоску» в Staatsoper. Давненько мне не приходилось петь в Германии, но сейчас вроде бы намечается серия выступлений.

Кто ведет «Тоску»?

Дирижировать будет Пласидо Доминго. Я с ним в качестве дирижера еще никогда не выступал.

Похоже, Доминго все больше переключается с пения на дирижирование. Несколько лет назад здесь, в театре, он дирижировал «Аидой». Ничего получилось, даже довольно любознательно. Вот видите — «любопытно». Уже это словечко кое о чем говорит. Впрочем, не буду комментировать.

В нашу прошлую встречу вы утверждали, что предпочитаете петь Верди и только Верди — партии Радамеса, Отелло. Не изменилась ли ваша позиция с той поры?

Вот потому-то я и не люблю давать интервью. Наговорил что-нибудь в запале, а потом забудешь, что говорил, и в следующий раз утверждаешь прямо противоположное. Мы, певцы, народ эмоциональный, люди настроения, то и дело в крайности бросаемся. Если я год назад был влюблен в Верди, то это не значит, что я и сегодня пребываю в том же состоянии. Все зависит от того, что ты поешь чаще. Если поешь много Верди — тянет на русскую музыку. А если поешь русский репертуар — тянет на Верди.

Сейчас я пою в основном только итальянскую музыку: Верди, Пуччини, вскоре предстоит учить партию в «Паяцах» Леонавалло. И потому я сегодня скучаю по русскому репертуару. Вызвали меня недавно на замену в Лондон спеть Самозванца в «Борисе Годунове». Не вполне моя партия, но я спел ее с таким удовольствием! Оперу эту я очень люблю. Когда-то давно пел ее здесь, в Мариинке, потом мы с Валерием Абисаловичем даже записали ее. Но на Западе почему-то считается, что партия Димитрия не самая главная. А главная — это партия царя Бориса. Потому ее петь престижнее, да и платят за Бориса больше, чем за Самозванца.

И поэтому вы поете Отелло? Тут уж никаких сомнений, он — главный персонаж в опере.

Да нет, не только поэтому. Кстати, мне лично за Самозванца платят не меньше, чем за заглавные партии. Но в данном случае еще и стресс был большой. Выступление свалилось на меня совершенно неожиданно. Прилетел я за пять минут до спектакля. Думал — подстрахую, но пришлось петь со сцены, а мизансцен я не знал...

И как вы переносите такие стрессы? С трудом. Вот говорят: в этом романтика профессии. Да какая там романтика! Такие удары по нервной системе ее только истощают.

Как вы отходите после таких экстремальных ситуаций? Удаются расслабиться? Расслакация обычно никакой не получается. Просто подхватываешь чемоданы и сразу едешь куда-то.

Но вы, помнится, в прошлом году соби- рались с женой обосноваться на юге Франции? Дом там покупали? Купили — и переехали даже летом. В Прованс. Но не прошло и четырех месяцев, как мы вернулись в Брюссель. Сейчас снимаем дом под Брюсселем; специально поселились недалеко от аэропорта, от него до дома всего тридцать километров. Для меня

это важно. Как и то, что из Брюсселя практически все рейсы — в Нью-Йорк, в Токио — прямые.

Не раз мне приходилось слышать от музыкантов те же доводы: они выбрали дом по принципу близости от аэропорта...

Что ж, жизнь заставляет так поступать. Для тех, кто ездит много, это оптимальный вариант. А вот из нашего дома в Провансе до марсельского аэропорта — девяносто километров. Это еще не проблема: если на дороге нет пробок, можно доехать часа за полтора. Но вот все самолеты летают либо через Париж, либо через Франкфурт, либо через Мюнхен. А пересадки ужасно утомляют. Кроме того, еще не было случая, чтобы багаж прибыл вовремя. У меня лично багаж выдали вовремя только один раз за всю жизнь. Обычно багаж прибывает на третий день, потому что самолеты часто опаздывают — ты улетаешь, а багаж остается. И процесс переезда превращается в сплошное мучение.

Так о чем же вы думали, покупая дом в Провансе? Ясно же было, что летать придется много.

Объясню. Выгляните в окно, посмотрите. Что вы там видите?

Отвратительная погода.

Вот именно. В Бельгии такая погода стоит круглый год. И летом тоже. А я родом с Алтая, привык к солнцу. И ужасно страдаю без него. И когда ты вдруг видишь яркое солнце, яркие краски, море — это подкупает. И ты уже не рассуждаешь об удобствах и неудобствах — ты просто хочешь тут жить, в этом раю. Желание видеть солнце каждый день пересиливает все разумные доводы.

Я так понимаю, вы купили дом в самых вангоговских местах.

Да, они все там жили: и Ван Гог, и Сезанн, и Гоген. Тоже ведь к солнцу тянулись. Видно, у них со зрением плохо было...

Любой художник любит яркие краски. Это картины не любят яркий свет, а художники — любят.

И что это нас на разговоры о погоде потянуло? Но в самом деле, для питерских это донельзя актуальная тема.

И не говорите! Жить в этих северных странах, вокруг северных морей, около той же Балтики — кошмар, просто кошмар! Все страны этого региона считаются депрессивными. Доказано, что недостаток солнца пагубно влияет на психику. И процент самоубийств в этих странах выше...

А вы в каком городе родились?

В небольшом городке на границе с Казанью — Рубцовск называется. Тогда в нем было около четверти миллиона жителей, теперь, полагаю, не более ста тысяч осталось. Впрочем, на европейских картах наш городок указан. Для Европы это не такой уж маленький город считается. В Европе есть города, где живет и по тридцать тысяч.

Потом я переехал в Новосибирск. Учился, стал петь в тамошнем театре Музыкальной комедии, затем перешел в новосибирскую оперу. Театры рядом стоят, почему было не попеть и там и тут? Но опереточные амплуа я как-то не очень любил: не ложился на душу. Может, это оттого, что я очень любил оперу. Хотя классические оперетты мне нравятся — Легар, Штраус, Кальман. Но петь в них не хочется.

Классические русские оперы идут по всему миру, и чаще всего в них поют русские певцы. Так что у вас вроде бы не должна возникнуть ностальгия по русскому репертуару?

Это заблуждение, что в русские оперы на Западе предпочитают приглашать русских. В том же Нью-Йорке, как правило, ис-

полнители главных партий — американцы. Например, петь царя Бориса должен обязательно американец. А в Лондоне — англичанин. Хотя кое-где бывает и наоборот. Я же пою в Италии Отелло, и довольно часто. Но, правду сказать, итальянскую публику это здорово раздражает. Они приходят на спектакль заранее агрессивно настроенные: «Как это так, иностранец поет нашего Верди?!» Вот если партию Отелло поет итальянец, а партию Кассио — русский, это ничего, это нормально.

Какие новые партии удалось выучить за прошлый сезон?

Никаких новых партий я не выучил, времени не было. Мне бы успеть разгрести то, что я на себя уже взял. График гастролей очень напряженный. И пока что меня приглашают на те партии, которые я знаю и пел. Так что и повода учить новое не представлялось. Вот к концу января должен выучить «Паяцев».

Да это маленькая опера, что там учить...

Ага! Мне так и говорят: да что там петь, там петь-то нечего. А вот вы попробуйте-ка, спойте!

У меня голоса нет. А у вас есть.

Я одно твердо знаю: в вердиевско-пуччиниевском репертуаре я пока востребован. Значит, двигаться в другую сторону, скажем в сторону Вагнера, мне пока невозможно. Так что эта позиция в моем репертуаре пока не занята. А мне многие говорили, что пора переходить на Вагнера. Я и сам это прекрасно понимаю. Но времени учить нет. Я как-то пытался выучить Зигфрида, но бросил, отвлекся на что-то другое. И приходится отказываться от вагнеровских контрактов.

Ольга Бородина очень сокрушалась, что вы не соглашаетесь петь Самсона и вообще французскую музыку. Она считает, что вы боитесь французского языка...

Ничего я не боюсь. В конце концов я живу во франкоязычной стране. И умею немного говорить по-французски, так, на бытовом уровне. Но, признаюсь, у меня не такой тонкий слух, чтобы уловить все нюансы французского произношения. Представьте, выхожу на сцену где-нибудь во французском городе и пою партию с южноалтайским акцентом. Как это будет выглядеть? С итальянским языком в этом смысле проще. В каждой итальянской провинции свое произношение. И когда ты выходишь на сцену со своим классическим итальянским, никого не удивляют оттенки твоего личного произношения. Обычно, приезжая во Флоренцию или Неаполь (а говор там разный), я прошу местных певцов мне попеть и вслушиваюсь в особенности их произношения. Но если каждый раз кардинально менять манеру пения и произношение — от этого в голове образуется такая каша, что все перепутается.

Недавно мне пришлось петь «Турандот» в Афинах. Как вы знаете, в мире принято окончание Франко Альфано. Вариант, дописанный Лючано Берно, пока не очень используется. Так вот, я приехал с твердым убеждением, что мне предстоит петь знакомую музыку. Оказалось же, что в Афинах взяли полный вариант альфановского финала, а он вчетверо длиннее. Я и не знал, что в свое время Караян сократил вариант Альфано, изменил в нем и ритмический рисунок, и целые фразы. Этот вариант идет и в Мариинском театре. А в Афинах мне пришлось спешно доучивать партию, всю написанную в высокой tessitura. Для тенора это убийственно! Так что лучше уж выучить один вариант и держаться его, иначе выйдет полная путаница.

В самой Италии между тем каждый концертмейстер убежден, что именно он и только он знает, как надо петь. Таким даже Марио дель Монако не пример. Я как-то попытался убедить одного, так он ответил, что Монако неправильно пел по-итальянски! А я ему возразил: «Может, и неправильно, зато так понятно!»

Между прочим, в Европе диалектов разных много. Взять, к примеру, Бельгию. Там деревушки отстоят на тридцать километров, а жители одной уже не понимают, что говорят жители другой. Моя жена родом из Агонардо — так ей уже трудно понять, о чем

говорит житель Гента. А ведь Гент совсем рядом. Наречия очень разнятся. А о чем это говорит? О том, что жили не очень дружно, не хотели общаться. То ли дело у нас, в России. Страна огромная, а все друг друга понимают с легкостью. Местные различия — окаяют нас или акают — несущественны.

Голландским пока не овладели?

Да я и французским еле владею. Умею чуть-чуть разговаривать.

На каком же языке вы общаетесь с женой?

На русском. Пришлось ей русский выучить, и теперь она разговаривает на нем, как мы с вами, только с небольшим эстонским акцентом. Конечно, я бы мог выучить французский, если б поставил это целью. Все лень русская. И потом, я эти восемь лет, с тех пор как уехал, был так занят, что времени ни на что не оставалось. Но в моем незнании языка есть и хорошие стороны: мои дети говорят дома только по-русски. Хотя одна дочка уже пошла во французскую школу.

Вы имеете в виду ваших детей от второго брака?

Я имею в виду и детей, которые здесь, и детей, которые «там».

Давайте проясним ситуацию: сколько у вас детей?

Четверо. Две дочки в Бельгии. Одной — семь лет, другой — два годика. Здесь, в Петербурге, живут две дочки, они уже взрослые. Одна пианистка, живет вместе с мужем и сыном — моим внуком. Другая еще учится в музучилище Римского-Корсакова. Вот у нее я и остановился в нынешний приезд. Так что я уравнивал положение, чтоб ни одной стране обидно не было: в России — две дочки, и в Бельгии — две дочки.

И сколько же лет внуку?

Три годика...

Так вы, значит, молодой дедушка?

В том-то и дело. Когда мне говорят, что я молодой, я всегда спрашиваю: относительно чего? Тенор я уже немолодой, хотя и не пожилой еще. А как дедушка — я еще молодой. Причем внуки у меня гарантированно будут еще. Независимо от разводов моих дочерей, в этом смысле я себя обезопасил.

А как ваша жена относится к вашим бесконечным разъездам?

Терпимо. Сейчас мы с ней не можем ездить вместе, потому что наша старшая пошла в школу. Конечно, тяжело жить постоянно без семьи. Иногда я приезжаю домой. А в каникулы жена, бывает, везет показать мне детей. Точно как по Райкину: «Ребенок родителей не видит, но он о них знает». Так вот, приезжают они ко мне, моя младшенькая идет ко мне с моей фотографией, говорит «папа, папа» и фотографию целует. Представляете, каково мне? А я ведь сейчас в возрасте дедушки, а дедушки очень трепетно относятся к своим внукам, даже трепетнее, чем к детям. Так вот, младшенькую я воспринимаю как внучку. И потому разлука дается тяжело.

Хорошо уже то, что у вас остается возможность хоть раз приехать в Питер.

В прошлый раз вы потрясающе спели Калафа на премьере «Турандот», до сих пор помню.

В этом-то и проблема. Это и есть самое страшное в моей жизни: ты должен непременно спеть лучше, чем в прошлый раз. По крайней мере не хуже. Когда я был неизвестен, на мне такой ответственности не лежало. Подумаешь, спел неудачно! Публике не с чем было сравнивать. А сейчас она уже ждет от меня определенного класса пения, и я не могу и не должен ее разочаровать. И этот страх оказывается ниже заданной тобою же планки преследует меня всю жизнь. Висит надо мною как дамоклов меч. И чтобы стабильно хорошо петь, нужно всегда находиться в превосходной форме — физической и вокальной. А как поддерживать форму, если ты работаешь на износ? Остается одно — молить Бога, просить у него здоровья: «Пожалуйста, дай мне силы!»

Владимир Галузин: «Мне так и говорят: да что там петь, там петь-то нечего. А вот вы попробуйте-ка спойте!» Фотограф: Никита Инфентьев

